Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза

ЧАЙКА Константин Леонтьевич, судья Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации
220006, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кирова, 5
E-mail: chaika@courteurasian.org

Международные суды в своей практике используют значительный круг источников. Часть из них, как, например, общепризнанные принципы и нормы международного права, являются элементом применимого права, а иные, такие как практика международных судов, представляют собой средство познания — инструмент, способствующий уяснению правовых норм. Право Евразийского экономического союза (ЕАЭС), вводя понятие общепризнанных принципов и норм международного права, не раскрывает его содержание. По мнению автора, определение названного понятия имеет большое значение для уяснения круга правовых норм, которые могут быть применены Судом ЕАЭС. Следующим важным вопросом является восприятие Судом Союза подходов, сложившихся в практике иных международных судебных органов. Суд ЕАЭС как региональный суд при формировании собственной практики ориентируется на подходы и универсальных, и отраслевых, иных региональных международных судов.

Цель статьи — выявить содержание понятия общепризнанных принципов и норм международного права как одного из источников права ЕАЭС. Анализируется использование подходов международных судебных органов при разрешении дел Судом Союза. Своей задачей автор ставит выявление тех общих правовых основ, которые позволяют Суду ЕАЭС использовать практику иных международных судов в качестве *persuasive precedent* (убедительного прецедента).

Использование телеологического толкования и метода сравнительного анализа позволяет констатировать, что применение в рамках ЕАЭС общепризнанных принципов и норм международного права, единство правовой основы регулирования отдельных сфер правоотношений в рамках ЕС и ЕАЭС (таможенных правоотношений, мер защиты внутреннего рынка), необходимость защиты прав человека и основных свобод позволяют Суду Союза использовать позиции иных международных судов в качестве средства познания при вынесении решений. Применение ретроспективного метода демонстрирует развитие Судом ЕАЭС отдельных элементов практики Суда ЕвразЭС.

Автор приходит к выводу, что для применения Судом ЕАЭС правовой позиции иного международного суда необходимо сходство правовых норм. При наличии такого сходства отступление от практики иных международных судов должно быть строго обосновано. Одним из таких оснований может служить защита прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: общепризнанные принципы международного права, права человека и основные свободы, Суд Евразийского экономического союза, Европейский суд по правам человека, Суд Европейского Союза, Суд Евразийского экономического сообщества.

International Legal Approaches in the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union

K. L. CHAYKA, judge of the Court of the Eurasian Economic Union, candidate of legal sciences, honored lawyer of the Russian Federation
5, Kirova st., Minsk, Belarus, 220006
E-mail: chaika@courteurasian.org

International courts use a wide range of sources in their practice. Some of them, such as the generally recognized principles and rules of international law, are part of the applicable law, while others, such as the practice of international courts, are a means of learning — a tool that contributes to the understanding of legal norms. The law of the Eurasian Economic Union (EAEU), introducing the concept of universally recognized principles and norms of international law, does not disclose its content. According to the author, the definition of this concept is of great importance for understanding the range of legal norms that can be applied by the EAEU Court. The next important issue is the perception by the EAEU Court the approaches developed in the practice of other international judicial bodies. The EAEU Court as a regional court in the formation of its own practice focuses on the approaches of both universal and sectoral and other regional international courts.

The purpose of the article is to reveal the content of the concept of universally recognized principles and norms of international law as one of the sources of the EAEU law. The use of approaches of international judicial bodies in resolving cases by the court of the Union is analyzed. The author makes the identification of those common legal frameworks that allow the EAEU Court the practice of other international courts as persuasive precedent (persuasive precedent).

The use of teleological interpretation and the method of comparative analysis allow us to conclude that the use in the framework of the EAEU universally recognized principles and norms of international law, the unity of the legal bases of regulation of individual spheres of legal relations in the framework of the EU and the Eurasian Economic Union (customs legal relations, measures sewn in the internal market), the need for the protection of human rights and fundamental freedoms allow the Court of the Union to use the position of other international courts as a means of knowledge when making decisions. The application of the retrospective method demonstrates the development of certain elements of the EurAsEC Court's practice by the EAEU Court.

The author comes to the conclusion that the application of the legal position of another international court by the EAEU Court requires the similarity of legal norms. If there is such similarity, the derogation from the practice of other international courts should be strictly justified. One of these grounds may be the protection of the rights and legitimate interests of economic entities.

Keywords: generally recognized principles of international law, human rights and fundamental freedoms, EAEU Court, ECHR, Court of Justice of the EU, EurAsEC Court.

DOI: 10.12737/art_2018_11_14

Евразийский экономический союз (далее — Союз, ЕАЭС) осуществляет свою деятельность на основе уважения общепризнанных принципов международного права. Данная норма повторяется в подп. 1 п. 50 Статута Суда ЕАЭС (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС): Суд при осуществлении правосудия применяет общепризнанные принципы и нормы международного права.

Учитывая, что право Союза не содержит определения общепризнанных принципов и норм международного права, целесообразно осуществить толкование данного понятия и проанализировать практику его применения Судом ЕАЭС.

Анализ доктринальных источников свидетельствует о существовании двух основных подходов к содержанию категории «общепризнанные принципы международ-

ного права». Приверженцы первой точки зрения высказывают мнение о неидентичности данных понятий. Так, Г. М. Вельяминов предлагает не смешивать общепризнанные принципы международного права, являющиеся основой объективного международного права, с общими принципами права¹. Г. И. Тункин, напротив, употребляет термины «основные» и «общепризнанные принципы» как синонимы и указывает, что основные принципы современного международного права — это общепризнанные нормы, имеющие наиболее важное значение для обеспечения нормального функционирования межгосударственной системы и, следовательно, для решения международных проб-

¹ См.: Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М., 2015.

лем². С. В. Черниченко отмечает: «Практически все основные принципы международного права прямо или косвенно закреплены в Уставе ООН»³. Развивая данную проблематику, автор указывает, что все общепризнанные принципы международного права подразделяются на основные и отраслевые. Основные принципы применяются во всех сферах межгосударственных отношений, урегулированных международным правом. Отраслевые принципы являются более конкретными, чем основные, и присущи определенной отрасли международного права⁴. С данным подходом соглашаются Ю. М. Колосов и Ю. Н. Малеев⁵, а также В. Г. Витцтум. Последний дополняет категорию общих принципов права универсальными принципами правовой логики (аналогия, правило *lex posterior derogate prior*) и принципами, обязательными для функционирования правовой системы (добросовестность, справедливость (*equity*), *pacta sunt servanda*)⁶.

В заключение изложения доктринальных подходов следует привести мнение А. Х. Абашидзе: «Анализ международной судебной практики, преимущественного Международного Суда ООН, подтверждает, что суды не проводят различия между применяемыми принципами. Все они — как те, которые закреплены в Уставе ООН и именуются в отечественной доктрине международного права “общепризнанными принципами” (например, *pacta sunt servanda*), или же “общими принци-

пами международного права”, так и другие (например, принцип гуманизма) — называются общими принципами права»⁷.

Подобный вывод представляется обоснованным не только с теоретических позиций, но и исходя из логики правоприменителя. Основная цель общепризнанных принципов права — содействовать восполнению пробелов, существующих в писаном праве, посредством судебного толкования⁸. Поэтому нецелесообразно ограничивать правовой инструментарий, узко толкуя общепризнанные принципы права. Этот вывод особенно актуален для права ЕАЭС, находящегося на начальном этапе развития и содержащего пробелы, восполнение которых производится в том числе Судом Союза.

В связи с изложенным представляется обоснованным рассматривать понятие «общепризнанные принципы международного права» как включающие основные (общие) и отраслевые принципы международного права, а также универсальные принципы правовой логики (аналогия, правило *lex posterior derogate prior* и иные методы толкования). При таком подходе основными принципами права являются наиболее важные, фундаментальные нормы, содержащиеся в международном обычном праве, такие как принцип суверенного равенства государств, запрет применения силы или угрозы силой, принцип всеобщего признания, уважения и защиты прав человека⁹. В свою очередь, соглашаясь с отечественными исследователями международного права, отраслевые принципы предлагается понимать как более кон-

² См.: Международное право: учебник / под ред. Г. И. Тункина. М., 1994. С. 74, 106.

³ Черниченко С. В. Контуры международного права. М., 2014. С. 104.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ См.: Международное право: учебник / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. М., 2009. С. 107.

⁶ См.: Международное право / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М., 2015. Кн. 2.

⁷ Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 29.

⁸ См.: Международное право / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн. 2-е изд. Кн. 2.

⁹ Там же.

кретные, чем основные, и применимые именно в той сфере международных отношений, которая регулируется данной отраслью¹⁰.

В развитие данного вывода отметим, что формулировка «общепризнанные принципы и нормы международного права» заимствована Договором о Союзе из конституций государств-членов¹¹, а в национальной теории, прежде всего российской, данная категория трактуется максимально широко за счет включения в нее как принципов и норм общего права, отраслевого права¹², так и универсальных принципов правовой логики¹³. Обращение к национальным конституциям обусловлено тем, что в преамбуле к Договору о Союзе закреплено учреждение Союза с учетом безусловного соблюдения верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина. Телеологическое толкование данной нормы свидетельствует о том, что при подготовке Договора о Союзе государства-члены исходили из единого понимания общепризнанных принципов и норм международного права, а также из признания того факта, что объем общепризнанных принципов и норм международного права, применяемых Союзом, не может быть ниже, чем в рамках национальных правовых систем.

Что касается различия между понятиями «общепризнанные нормы»

и «общепризнанные принципы», то, будучи ограниченными рамками формата публикуемой статьи, выразим лишь согласие со сложившейся в теории и практике позицией, согласно которой понятия «норма» и «принцип» соотносятся как общее и частное. Принципы представляют собой основополагающие, фундаментальные нормы международного права, отклонение от которых недопустимо¹⁴.

Приведенные выводы подтверждаются практикой Суда Союза.

При вынесении консультативных заключений¹⁵ Суд применяет ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., которая используется им в качестве общепризнанного принципа международного права. Очевидно, что использование данного принципа не нуждается в объяснении, так как он является базовым принципом права международных договоров. В то же время при использовании других международных договоров, не входящих в право Союза, наличие мотивировки их применения представляется необходимым. В качестве примера укажем консультативное заключение от 12 сентября 2017 г. по заявлению Европейской экономической комиссии, в котором Суд, обосновывая ссылки на Конвенцию МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий 1958 г., указал, что нормы данной Конвенции относятся к праву, применимому при отправлении право-

¹⁰ См.: Международное право: учебник / отв. ред. С. А. Егоров. М., 2015.

¹¹ Статья 8 Конституции Республики Беларусь использует понятие «общепризнанные принципы международного права», ст. 15 Конституции Российской Федерации и ст. 6 Конституции Кыргызской Республики — понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права».

¹² См.: Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997. С. 160.

¹³ См.: Международное право / В. Г. Витц-тум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн. 2-е изд. Кн. 2.

¹⁴ См.: Талалаев А. Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. 1998. № 3. С. 65; Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. С. 212.

¹⁵ См., например, консультативные заключения от 4 апреля 2017 г. по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь, от 12 сентября 2017 г. по заявлению Комиссии, от 1 ноября 2016 г. по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

судия в рамках Союза, как общепризнанные нормы, а также как международный договор, участниками которого являются государства-члены. Представляется, что в этом случае факт участия в международном договоре всех государств — членов Союза подтверждает выполнение условия «общепризнанности».

Обращаясь к иным общим принципам права, необходимо упомянуть, что ссылка на принцип суверенного равенства государств как общепризнанный принцип международного права имеется в консультативном заключении от 11 декабря 2017 г. по заявлению Б. М. Адилова¹⁶. Применение данного принципа позволило Суду констатировать, что одной из форм выражения принципа суверенного равенства в контексте институциональной структуры Союза является принцип равной представленности государств-членов при отборе кандидатов на занятие должностей должностных лиц департаментов Комиссии.

В качестве одного из общих принципов права как универсальных принципов правовой логики в решении от 28 декабря 2015 г. по заявлению ИП К. П. Тарасика использован принцип *ne eat iudex ultra petita partium* (суд не может выходить за рамки требований сторон). Суд Союза применил данный принцип при определении пределов судебного разбирательства, что позволило ему не рассматривать доводы истца, приведенные в обоснование требований, содержащихся в той части заявления, в принятии которой к производству отказано.

Изложенное свидетельствует, что общепризнанные принципы и нормы международного права применяются Судом ЕАЭС как для восполнения пробелов в материальном праве, так и в качестве процессуального инструмента при толковании права Союза.

Подходы международных судов в практике Суда ЕАЭС. Исходя из представлений о системе международного правосудия как о совокупности органов, наделенных полномочиями по разрешению правовых конфликтов, связанных отношениями соподчиненности и обладающих общей правовой основой, при анализе сложившихся в отечественной доктрине подходов к оценке международного правосудия: от допускающих условное единство данной системы¹⁷ до отрицающих само существование таковой¹⁸, полагаем, что на сегодняшний день международное правосудие не обладает всеми признаками единой системы.

Отсутствие системы международного правосудия тем не менее не препятствует взаимодействию международных судебных органов и их взаимному влиянию. Причины этого состоят в следующем: 1) происходит умножение числа (пролиферация) международных судов¹⁹; 2) усиливается специализация судов; 3) в связи с развитием средств информатизации облегчен доступ к практике иных судов.

Для Суда ЕАЭС восприятие практики²⁰ международных судебных

¹⁷ См.: *Смбатян А. С.* Конфликт юрисдикций органов международного правосудия как отрицание их взаимосвязей // *Российский юридический журнал*. 2013. № 5; *Смбатян А. С.* Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012; *Толстых В. Л.* Формирование системы международного правосудия и ее основные характеристики // *Российский юридический журнал*. 2011. № 1.

¹⁸ См.: *Капустин А. Ю.* Влияние правовых позиций международных судов на национальную судебную практику // *Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева*. М., 2017.

¹⁹ Подробнее см.: *Толстых В. Л.* Пролиферация международных судов и ее последствия // *Российское правосудие*. 2010. № 10.

²⁰ В данной статье под международной судебной практикой понимаются непроти-

¹⁶ URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 20.03.2018).

органов²¹, с одной стороны, служит инструментом, позволяющим «встроить» право Союза в систему международного права, исключая конфликты с иными судами, а с другой — при применении правовых норм, свойственных и иным правовым системам (право интеграционных объединений, права человека, универсальные нормы трудового права), способствует использованию подходов судебных органов, специализирующихся на толковании и применении соответствующих правовых норм.

Данный вывод подтверждается анализом практики Суда ЕАЭС, который в своих судебных актах ссылается на подходы таких судебных органов, как Международный суд ООН, Суд ЕС, ЕСПЧ, органы по разрешению трудовых споров международных организаций и их служащих.

Практика Международного суда ООН. На универсальном уровне толкование общепризнанных принципов международного права осуществляет Международный суд ООН. Суд ЕАЭС, развивая данные принципы в преломлении с идеями евразийской интеграции, учитывает подходы Международного суда ООН.

воречивые позиции, изложенные в актах международных судебных органов, обладающих свойствами как *res judicata*, так и *res interpretata*. Подробнее о данных свойствах судебных актов см.: Дьяченко Е., Энтин К. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3. С. 83—84.

²¹ В качестве международных судебных органов автор рассматривает судебные и квазисудебные органы, основной функцией которых является урегулирование международных споров. Подробнее см.: Смбалян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права; Энтин М. Л. Международные судебные учреждения. Роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров. М., 1984. С. 6.

Формально решение Международного суда ООН обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по конкретному делу (ст. 59 Статута Международного суда ООН), но на практике толкование, которое дает данный судебный орган, пользуется особым авторитетом, практически приобретает характер прецедента, особенно если относится к международным обычным нормам²². В. Г. Витцтум объясняет это следующим образом: «Поскольку не существует глобального законодателя, в международном праве, в отличие от других разделов права, большое значение имеют прецеденты»²³.

Примером использования подходов Международного суда ООН является ссылка в решении Коллегии Суда ЕАЭС от 28 декабря 2015 г. по заявлению ИП К. П. Тарасика²⁴ на позицию по делу *Asylum*²⁵ о пределах судебного разбирательства.

Правовые позиции Суда ЕС. Отдельного внимания заслуживает применение Судом ЕАЭС правовых позиций судов других интеграционных объединений, прежде всего Суда ЕС.

В упомянутом решении от 28 декабря 2015 г. Суд ЕАЭС указал: правовые позиции и судебная практика иных судов могут учитываться при вынесении решений по аналогичным вопросам, что соответствует принципу *persuasive precedent* (убедительный прецедент), согласно которому отдельные судебные решения и выраженные в них

²² См.: Международное право: учебник / отв. ред. С. А. Егоров.

²³ Международное право / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн. 2-е изд. Кн. 2.

²⁴ URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 20.04.2018).

²⁵ См.: International Court of Justice. Request for interpretation of the Judgment of November 20th, 1950, in the *Asylum* case, Judgment of November 27th, 1950 // I.C.J. Reports 1950. P. 395.

точки зрения сами по себе не создают прецедента, однако принимаются во внимание при вынесении последующих судебных актов²⁶. Суд Союза таким образом обозначил свои намерения существовать в диалоге с иными судами, оставляя за собой право проверять правовую позицию другого суда на соответствие духу и букве права Союза, правовым традициям самого Союза и его государств-членов. При этом практика других судов не образует применимое право, не является обязательным прецедентом, а рассматривается Судом Союза в качестве средства познания — инструмента, способствующего уяснению правовых норм, аналогичных содержащимся в праве Союза или сходных с ними.

Применение принципа *persuasive precedent* позволяет выделить два основных аспекта использования практики других международных судов. Ссылки на твердо устоявшиеся позиции иных судов являются серьезным аргументом при обосновании решений, а судебные акты, в которых подобные подходы игнорируются или нарушаются, не кажутся юридически убедительными. В то же время при применении правовой позиции иного суда в первую очередь следует продемонстрировать единство норм права Союза и того интеграционного образования или государства, практику судов которого предполагается применить.

Тот факт, что отдельные сферы общественных отношений в рамках ЕАЭС и ЕС имеют единую правовую основу, позволяет Суду ЕАЭС при вынесении решений принимать во внимание подходы Суда ЕС.

В качестве примеров общей универсально-правовой базы права ЕС и Союза можно указать на разработку Таможенного кодекса ЕС и Таможенного кодекса Таможенного союза (далее — ТК ТС) на основе

положений Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 г. Кроме того, в концепции проекта ТК ТС, утвержденного решением КТС от 4 февраля 2009 г. № 4, указано, что при разработке его норм учитывались положения ТК ЕС. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности (далее — ТН ВЭД) ЕАЭС и Комбинированная номенклатура ЕС основаны на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации. Нормы права ЕАЭС и ЕС по вопросам антидемпинговых мер сформулированы на базе Генерального соглашения ВТО по тарифам и торговле 1994 г. (далее — ГАТТ), а также Соглашения о применении ст. IV ГАТТ.

Изложенное свидетельствует о применимости позиций Суда ЕС при рассмотрении дел, касающихся таможенных правоотношений, классификации товаров, антидемпинговых мер.

Среди актов, при формулировании которых Суд ЕАЭС учел соответствующие позиции Суда ЕС, следует назвать решение Коллегии Суда ЕАЭС от 4 апреля 2016 г. по заявлению ООО «Дженерал-Фрейт»²⁷. Суд, обосновывая тезис о том, что объективным критерием для классификации товара является его предполагаемое назначение, сослался на решения Суда ЕС по делам C-183/06 RUMA²⁸, C-339/09 SkomaLux²⁹, C-173/08 Kloosterboer Services BV³⁰.

²⁷ URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 20.04.2018).

²⁸ Court of Justice of the European Union. C-183/06 RUMA GmbH v Oberfinanzdirektion Nürnberg. ECLI:EU:C:2007:110.

²⁹ Court of Justice of the European Union. C-339/09 Skoma-Lux s. r. o. v. Celní ředitelství Olomouc. ECLI:EU:C:2010:781.

³⁰ Court of Justice of the European Union. C-173/08 Kloosterboer Services BV contre Inspecteur van de Belastingdienst/Douane Rotterdam. ECLI:EU:C:2009:382.

²⁶ URL: <http://courteurasian.org/database> (дата обращения: 20.04.2018).

В решении Апелляционной палаты от 21 июня 2016 г. по заявлению ООО «Дженерал-Фрейт»³¹ Суд Союза пришел к выводу о том, что международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при наличии двух кумулятивных условий: 1) все государства — члены ЕАЭС являются участниками международного договора; 2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках ЕАЭС. При этом Суд сослался на решения Суда ЕС по делам C-21/72 *International Fruit Company*³², C-308/06 *Intertanko*³³, C-301/08 *Bogiatzi*³⁴.

Вместе с тем подчеркнем, что помимо позиции Суда, изложенной в решении Апелляционной палаты, о том, что применение в рамках Союза международного договора, не являющегося международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, возможно в случае, если сфера действия международного договора относится к единой политике Союза, имеет место подход, предложенный автором настоящей статьи в особом мнении³⁵ к данному решению.

³¹ URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 20.06.2017).

³² Court of Justice of the European Union. C-21/72 *International Fruit Company NV and Others v. Produktschap voor Groenten en Fruit*. ECLI:EU:C:1972:115.

³³ Court of Justice of the European Union. C-308/06 *The Queen, on the application of International Association of Independent Tanker Owners (Intertanko) and Others v. Secretary of State for Transport*. ECLI:EU:C:2008:312.

³⁴ Court of Justice of the European Union. C-301/08 *Irène Bogiatzi, married name Ventouras v. Deutscher Luftpool and Others*. ECLI:EU:C:2009:649.

³⁵ Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К. Л. Чайки к решению Апелляцион-

В частности отмечено, что критерием применения международного договора целесообразно считать не отнесение конкретной сферы к единой политике в рамках Союза, а передачу Союзу полномочий по правовому регулированию соответствующих правоотношений.

Особо отметим решение Коллегии Суда ЕАЭС от 28 декабря 2015 г. по заявлению ИП К. П. Тарасика, в котором Суд Союза определил понятие бездействия как неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности, оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дачу ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица). При этом Суд ЕАЭС обратился к ранней практике Суда ЕС (решение C-302/87 *European Parliament v. European Council*³⁶). Хотя впоследствии Суд ЕС пересмотрел подход, сформулированный в указанном решении в пользу ужесточения, считая, что любая позиция института ЕС, даже отрицательная, прекращает факт бездействия³⁷, Суд ЕАЭС посчитал актуальным именно ранний либеральный подход Суда ЕС. Суд ЕАЭС

ной палаты от 21 июня 2016 г. по заявлению ООО «Дженерал-Фрейт». URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 20.04.2018).

³⁶ Court of Justice of the European Union. C-302/87 *European Parliament v. Council of the European Communities*. ECLI:EU:C:1988:461.

³⁷ См., например, Court of Justice of the European Union. C-25/91 *Echebaster v. European Commission*. ECLI:EU:C:1993:131; C-196/12 *European Commission v. Council of the European Union*. ECLI:EU:C:2013:753; T-61/10 *Fernando Marcelino Victoria Sánchez v. European Parliament and European Commission*. ECLI:EU:T:2010:473.

учел, что последующая практика Суда ЕС превратила иск о бездействии в неэффективное средство правовой защиты, о чем пишут многие исследователи, критикуя Суд ЕС³⁸. При принятии решения по заявлению ИП К. П. Тарасика проведен анализ национального законодательства³⁹ и правоприменительной практики⁴⁰, который показал, что в государствах-членах «бездействие» толкуется не только как неисполнение государственным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него нормативными правовыми актами, но и как оставление обращения гражданина или юридического лица без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения.

При таких обстоятельствах Суд ЕАЭС не мог «сузить» в своем решении понятие бездействия, поскольку это влекло бы защиту прав и свобод человека на уровне Союза в меньшем объеме, чем соответствующие права и свободы защищены на национальном уровне.

³⁸ См., например: *Steiner J., Woods L., Watson P.* EU Law. 12th ed. Oxford, 2014. P. 303—304; *Due O.* Legal Remedies for the Failure of European Community Institutions to Act in Conformity with EEC Treaty Provisions. *Fordham International Law Journal*. 1990. No. 14. URL: <http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1271&context=ilj> (дата обращения: 20.04.2018).

³⁹ ГПК РБ, ХПК РБ, ГПК РК, АПК РФ, ГПК РФ.

⁴⁰ Постановление Верховного суда РК от 24 декабря 2010 г. № 20 «О некоторых вопросах применения судами норм главы 27 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих».

Данный пример показывает, что Судом ЕАЭС сознательно отвергнута актуальная практика Суда ЕС, предлагающая ограничительное толкование бездействия. Эта практика не прошла обозначенный выше тест на соответствие основным принципам правовой системы Союза.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда Суд Союза, осуществляя толкование норм, основанных на положениях универсального права, формулирует подходы, отличные от тех, которые сложились в практике других интеграционных объединений, чье право имеет ту же основу.

В качестве примера обратимся к решению Коллегии Суда ЕАЭС от 27 апреля 2017 г. по заявлению ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог»⁴¹, которым признано соответствующим Договору о Союзе решение Комиссии от 29 марта 2016 г. № 28 о применении антидемпинговой меры. Как видно из данного судебного акта, одним из доводов заявителя являлось принятие оспариваемого решения по истечении пресекательного срока расследования. Суд Союза в решении от 27 апреля 2017 г. пришел к выводу, что хотя в пределах указанного срока должно быть завершено антидемпинговое расследование, данный срок не является обязательным для вынесения решения о применении антидемпинговой меры, в связи с чем отказал в удовлетворении заявления.

При рассмотрении данного дела Суд осуществил толкование п. 13 ст. 30 Соглашения о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам 2008 г., а также подп. 2 п. 217 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение № 8

⁴¹ URL: <http://courteurasian.org/doc-18223> (дата обращения: 28.03.2018).

к Договору о Союзе)⁴², согласно которым срок проведения антидемпингового расследования не может превышать 18 месяцев. При этом указанные нормы Соглашения и Протокола основаны на ст. 5.10 Соглашения о применении ст. IV ГАТТ, согласно которой расследование, за исключением особых обстоятельств, завершается в течение одного года и ни в коем случае не позднее, чем через 18 месяцев после его начала.

Соглашение о применении ст. IV ГАТТ также является основой правовых актов ЕС в части регулирования процедуры проведения антидемпинговых расследований⁴³. При рассмотрении Судом ЕС дел об оспаривании решений Совета ЕС о введении антидемпинговой меры сформирована устойчивая практика, согласно которой основанием для отмены решения Совета ЕС о введении антидемпинговой меры могут являться как нарушения, допущенные Европейской комиссией в ходе расследования, так и недостатки, присущие самому решению Совета, в том числе превышение срока расследования⁴⁴. При этом истечение пресекательного срока проведения антидемпингового расследования означает фактическое прекращение данного расследования и влечет невозможность принятия Комиссией решения о введении антидемпинговой меры или о неприменении антидемпинговой меры, а в случае если такое решение все же принято, оно подлежит отмене⁴⁵.

⁴² Антидемпинговое расследование начато в период, когда действовало названное Соглашение, которое с 1 января 2015 г. заменено указанным Протоколом.

⁴³ В настоящий момент действует Регламент ЕС от 8 июня 2016 г. № 2016/1036 о защите от демпингового импорта из стран не членов Европейского Союза.

⁴⁴ Court of Justice of the European Union. C-76/01 P Eurocoton and Others. ECLI:EU:C:2003:511.

⁴⁵ Court of Justice of the European Union. C-76/01 P Eurocoton and Others.

Представляется, что при рассмотрении дела по заявлению ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», как отражено в особом мнении автора настоящей статьи к решению по данному делу⁴⁶, Суду Союза следовало сформулировать сходную позицию и установить несоответствие праву Союза принятие Комиссией решения о применении антидемпинговой меры за пределами срока антидемпингового расследования.

Считаем, что отказ Суда Союза от следования убедительным прецедентам суда иного интеграционного объединения, сформированным при применении им права, имеющего ту же универсальную основу (Соглашение о применении ст. IV ГАТТ), влечет серьезные риски. С одной стороны, возникает фрагментация международного права, с другой стороны, не исключена ответственность государств — членов Союза, четыре из которых являются членами ВТО, за действия Союза, которые могут быть признаны противоречащими праву ВТО.

Полагаем, что при указанных обстоятельствах отступление от практики иных международных судов должно быть строго обосновано. Одним из таких оснований может служить защита прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, как это имело место при определении понятия «бездействие» в решении Коллегии Суда по заявлению ИП К. П. Тарасика.

Подходы специализированных судов. Существование на международно-правовой арене специализированных органов правосудия приводит к формированию ими глубоко

ECLI:EU:C:2003:511; Court of Justice of the European Union. T-177/00 Koninklijke Philips Electronics NV v. Council. ECLI:EU:T:2005:106.

⁴⁶ Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К. Л. Чайки к решению Коллегии от 27 апреля 2017 г. по заявлению ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог». URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 28.03.2018).

проработанных подходов в соответствующей сфере.

Применительно к компетенции, которой в настоящее время наделен Суд ЕАЭС, особый интерес представляет практика ЕСПЧ, а также специализированных международных судов, рассматривающих споры международной организации и ее служащих по вопросам трудовых правоотношений.

Общие принципы права, прежде всего уже упомянутые права собственности и доступа к суду, позволяют Суду ЕАЭС применять позиции, сформулированные ЕСПЧ.

Поскольку участниками Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) являются только два государства — члена Союза, Конвенция напрямую не применима к отношениям с участием Союза. Вместе с тем ничто не препятствует ЕСПЧ реализовать свою компетенцию и применить Конвенцию при рассмотрении дел в отношении Республики Армения и Российской Федерации в связи с нарушением ими прав человека и основных свобод, обусловленным применением права Союза на национальном уровне. Как установлено ЕСПЧ в решении *Matthews v. United Kingdom*, передача государствами — членами ЕС части своих полномочий на наднациональный уровень не освобождает эти государства от обязательств по соблюдению Конвенции⁴⁷.

В этой ситуации, с одной стороны, во избежание фрагментации между правовыми позициями Суда ЕАЭС и ЕСПЧ, а с другой стороны, в интересах последовательной защиты прав человека и основных свобод в сфере экономической интеграции, нарушенных органами Союза, Суд ЕАЭС использует Конвенцию и судебные акты ЕСПЧ в качестве вспомогательного инструмента для об-

основания своих позиций⁴⁸. В этом смысле Суд ЕАЭС развивает тенденцию, начало которой положил Суд ЕврАзЭС⁴⁹.

В консультативном заключении от 3 июня 2016 г. по заявлению сотрудников Комиссии в подтверждение вывода о том, что сформировалась устойчивая практика исключения государственных служащих из-под регулирования трудового права соответствующего государства, Суд ЕАЭС сослался на решения ЕСПЧ по делам *Pellegrin v. France*, 28541/95⁵⁰; *Frydlander v. France*, 30979/96⁵¹.

Оценивая данный подход, следует согласиться с мнением, высказанным применительно к использованию Судом ЕврАзЭС практики ЕСПЧ, о том, что Суду следовало не только сослаться на Конвенцию, но и объяснить, почему он это делает, учитывая, что не все государства-члены являются участниками Конвенции⁵².

⁴⁸ Подробнее см.: *Чайка К. Л.* Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль конвенций Совета Европы: сборник. М., 2017. С. 235—255.

⁴⁹ В решении от 5 сентября 2012 г. по заявлению ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс» Суд ЕврАзЭС, оценивая соблюдение досудебной процедуры урегулирования спора, применил ст. 6 Конвенции, прямо не указывая на нее. В решении Апелляционной палаты от 21 февраля 2013 г. по заявлению ООО «ОНП» Суд ЕврАзЭС сослался на решение ЕСПЧ по делу *Credit and Industrial Bank v. Czech Republic*. В решении от 24 июня 2013 г. по заявлению ПАО «Новокраматорский машиностроительный завод» Суд ЕврАзЭС применил ст. 6 Конвенции.

⁵⁰ European Court of Human Rights (hereinafter — EctHR). *Pellegrin v. France*. Application no. 28541/95. Judgment of 8 December 1999.

⁵¹ EctHR. *Frydlander v. France*. Application no. 30979/96. Judgment of 27 June 2000.

⁵² См.: *Кожеуров Я. С.* Перспективы взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Евразийского экономического

⁴⁷ Application № 24833/94. *Matthews v. United Kingdom*. Judgment of 18 February 1999.

Практика Суда Союза показывает, что он в своих судебных актах использовал подходы органов по разрешению трудовых споров между ООН и ее сотрудниками.

Так, в консультативном заключении от 3 июня 2016 г.⁵³ Суд аргументировал свою позицию о недопустимости конфликта интересов ссылкой на Решение Административного трибунала ООН от 30 сентября 2003 г. № 1225 KIRUDJA v. the Secretary-General of the UN⁵⁴.

Подходы Административного трибунала ООН⁵⁵ использованы Судом ЕАЭС и в консультативном заключении от 12 сентября 2017 г. по заявлению Комиссии⁵⁶ при обосновании вывода о недопустимости дискриминации сотрудников при принятии решений о сокращении штатов, об обоснованности и законности как критериях пределов дискреции работодателя.

Рассмотрение Судом Союза дел о разъяснении положений Договора о Союзе, связанных с трудовыми правоотношениями, выявило необходимость обращения к практике Административного трибунала МОТ.

Анализ практики данного органа показывает, что при рассмотрении конкретных дел он опирается на положения и правила персонала соответствующей международной орга-

низации, но одновременно исходит и из общих принципов и подходов, сформулированных в его судебной практике. Таким образом, изучение судебных актов Административного трибунала МОТ позволяет увидеть, как один и тот же правовой принцип реализуется применительно к различным особенностям регулирования трудовых отношений.

Активное использование подходов Административного трибунала МОТ⁵⁷ имело место в упомянутом ранее консультативном заключении от 12 сентября 2017 г.

Тот факт, что наибольшее восприятие Судом Союза позиций иных органов международного правосудия имеет место по делам о предоставлении разъяснений по вопросам трудовых отношений, можно объяснить тем, что в настоящее время право Союза в части регулирования трудовых правоотношений между органами Союза, их должностными лицами и сотрудниками наименее проработано. Договор о Союзе содержит лишь фрагментарное закрепление статуса должностных лиц и сотрудников. В свою очередь, согласно п. 43 Положения о социальных гарантиях трудовые отношения должностных лиц и сотрудников регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм данного Положения. Таким образом, в Союзе осуществляется субсидиарное регулирование трудовых отношений правом Союза и законодательством государства пребывания органа Союза. Особый статус международных служащих Союза, следование принципу верховенства права интеграционного объединения приводит к тому, что многие нормы законодательства государства пребывания органа Союза

союза // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 183—190.

⁵³ URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 20.03.2018).

⁵⁴ Administrative Tribunal of Organization of United Nations. Judgment of September 30th, 2003 in the Case № 1225 KIRUDJA Against The Secretary-General of the United Nations.

⁵⁵ Administrative Tribunal of Organization of United Nations. Judgment of November 21st, 2000 in the Case № 1075 MASRI Against The Secretary-General of the United Nations; Judgment of January 30th, 2004 in the Case № 1245 SEAFORTH Against The Secretary-General of the United Nations.

⁵⁶ URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 27.03.2018).

⁵⁷ См., например, ILO Administrative Tribunal. Judgment № 1231 in the Case Yves Richard against Interpol; Judgment № 807 in the Case Mr. Victor Pereira da Cruz against the Interim Commission for the International Trade Organization.

не подлежат применению при решении конкретного вопроса в сфере трудовых правоотношений. Восполнение подобных пробелов осуществляется в том числе посредством судебного толкования, при осуществлении которого в качестве одного из источников познания используется практика иных международных судов.

Практика Суда ЕврАзЭС. Отдельного упоминания заслуживает использование Судом ЕАЭС практики Суда ЕврАзЭС, который хотя и не является правопреемником нового Суда, но его решения продолжают действовать в прежнем статусе согласно п. 3 ст. 3 Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС от 10 октября 2014 г.

Сравнение ст. 2 Договора об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 9 декабря 2010 г.⁵⁸ и подп. 2 п. 39 Статута Суда Союза показывает совпадение компетенции судебных органов в части рассмотрения дел по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании актов, действий (бездействия) Комиссии. Из анализа судебных актов Суда ЕврАзЭС видно, что данным Судом рассматривались в том числе споры о классификации товаров, об оспаривании антидемпинговых мер, т. е. те категории дел, которые находились в производстве Суда Союза. Изложенное свидетельствует о том, что позиции, сформулированные Судом ЕврАзЭС, могут быть использованы при рассмотрении дел Судом Союза. Вместе с тем Суд Союза обладает дискрецией согласиться с подходами, изложенными в решениях Суда ЕврАзЭС, развивать их или, напротив, отойти от них, в том числе с учетом изменения права Союза.

Проиллюстрировать этот вывод можно на примере решения во-

проса о месте Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации 1983 г. в праве Союза. Так, в решении Коллегии Суда ЕврАзЭС от 15 ноября 2012 г. по заявлению ООО «ОНП» указано, что данная Конвенция является составной частью законодательства государств — членов Таможенного союза и выступает в качестве международного договора, регулирующего таможенные правоотношения в Таможенном союзе. Суд ЕврАзЭС пришел к этому выводу, указав, что к названной Конвенции присоединились все государства — члены Таможенного союза, а ТН ВЭД ТС основывается на Гармонизированной системе. Коллегия Суда ЕАЭС в решении от 4 апреля 2016 г. по заявлению ООО «Дженерал Фрейт», взяв за основу в качестве *persuasive precedent* практику Суда ЕврАзЭС, указала, что основаниями для применения Конвенции для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках ЕАЭС являются подписание Конвенции всеми государствами-членами и отнесение таможенно-тарифного регулирования к сфере единой политики Союза. Апелляционная палата предложила универсальный тест на проверку применимости в праве Союза любого международного договора, не являющегося международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, по аналогии с тем, который был разработан Судом ЕС: подписание договора всеми государствами-членами и отнесение соответствующей сферы к единой политике Союза.

Таким образом, Суд ЕАЭС временно показал и преемственность позиций Суда ЕврАзЭС, и их адаптацию к стандартам международного права.

Изложенное демонстрирует, что Суду ЕАЭС принадлежит роль актора, на которого возложена функция объединить подходы общего международного права, права иных

⁵⁸ Договор не применяется с 1 января 2015 г.

интеграционных образований, одновременно соблюдению права человека и основные свободы, как они закреплены и реализуются на уровне государств-членов. Суд стремится к выполнению возложенной на него задачи, в том числе через исполь-

зование общепризнанных принципов и норм международного права, применение подходов Международного суда ООН, следование, когда это уместно, позициям иных специализированных и интеграционных судов.

Библиографический список

Due O. Legal Remedies for the Failure of European Community Institutions to Act in Conformity with EEC Treaty Provisions. *Fordham International Law Journal*. 1990. No. 14. URL: <http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1271&context=ilj>.

Steiner J., Woods L., Watson P. *EU Law*. 12th ed. Oxford, 2014.

Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // *Московский журнал международного права*. 2017. № 4.

Веляминов Г. М. *Международное право: опыты*. М., 2015.

Дьяченко Е., Энтин К. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // *Международное правосудие*. 2017. № 3.

Зимненко Б. Л. *Международное право и правовая система Российской Федерации*. М., 2006.

Капустин А. Ю. Влияние правовых позиций международных судов на национальную судебную практику // *Судебная практика в современной правовой системе России: монография* / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017.

Кожеуров Я. С. Перспективы взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Евразийского экономического союза // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 11.

Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997.

Международное право / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М., 2015. Кн. 2.

Международное право: учебник / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. М., 2009.

Международное право: учебник / под ред. Г. И. Тункина. М., 1994.

Смбатян А. С. Конфликт юрисдикций органов международного правосудия как отрицание их взаимосвязей // *Российский юридический журнал*. 2013. № 5.

Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012.

Талалаев А. Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // *Государство и право*. 1998. № 3.

Толстых В. Л. Пролиферация международных судов и ее последствия // *Российское правосудие*. 2010. № 10.

Толстых В. Л. Формирование системы международного правосудия и ее основные характеристики // *Российский юридический журнал*. 2011. № 1.

Чайка К. Л. Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // *Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль конвенций Совета Европы: сборник*. М., 2017.

Черниченко С. В. *Контурсы международного права*. М., 2014.

Энтин М. Л. *Международные судебные учреждения. Роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров*. М., 1984.